

Александр Конопкин

Хельга

Роман в письмах

Часть I

.....

Ты помнишь, Хельга, я ушёл от дел,
я выпал из безумных расписаний,
созвонов, конференций и собраний?
Но, видит Бог, я сам того хотел...

Ты представляешь, я почти в раю:
здесь тихо и спокойно, в баре вина—
с кусочком сыра, с долькой апельсина...
И так—пока бутылку не допью.
Тут столько книжек—век не прочитать,
и музыки—до смерти не прослушать,
и каждый встречный вежлив и радушен,
но я людей стараюсь избегать...

Послушай, Хельга, за окном июль,
и пахнет, как и должно, жаркой пылью.
И ласточки на тонких чёрных крыльях
летают вечерами. Бедный Жюль
весь день страдает: где отыщет тень—
уляжется и с тяжким хрипом дышит.
А солнце раздражённым жаром пышет,
и от жары случается мигрень.

Случилось так, что я всю ночь не спал.
Слонялся бледной тенью по квартире,
читать пытался, раза три-четыре
холодный чай в стаканы наливал,
дверями хлопал...

Кашляя в кулак,
дымил в окошко. А собаки выли.
Я пальцем рисовал по тонкой пыли,
осевшей на карнизе, некий знак.
И так—пока не выпала роса,
пока туманной ватой не накрыло
собачью будку. Жюль брехал вполсилы,
а я гадал: случится ли гроза?

Ты знаешь, Хельга, в здешней тишине
кошунственны сомнения и споры.
Здесь не бывает поисков опоры,
здесь всё понятно даже в пьяном сне.
Здесь время равномерно, а в словах
не может быть двоякого значенья.
Здесь жизнь прямолинейна и ничейна,
но каждый за себя, увы и ах...

Мне кажется, я начал привыкать,
и штиль уже не выглядит ловушкой.
Скорее, он удобная подушка,
с которой так не хочется вставать.
Одно и то же утро сотый раз,
и вечер не готовит перемены.
Нет ни вчера, ни завтра—ойкумена
от кухни до забора...

Я сейчас

возьму собаку, посмотрю закат,
послушаю предсонный шелест моря...
Ты знаешь, Хельга, жить вот так—не споря,
без спешки, без потерь и без наград—
почти приятно. И почти не больно.

Часть II

.....

Книга дочитана. Дом немой.
Чай с затонувшей лимонной долькой.
Хельга, мне кажется, что письмо
проще звонка. Ты прости, что столько
времени прятался. Телефон
выключен, адрес пять раз поменян.
Даже язык изменился, он
учится трудно, но я уверен—
справлюсь и буду на нём болтать,
аборигенов смешить акцентом.
Впрочем, на это мне наплевать,
главное—здесь тишина. При этом
лето здесь длинное, а зима

тёплая—в шапке ходить нелепо.
Здесь желтокаменные дома
и потрясающе пахнет хлебом
каждое утро.

Лишь Жюль сердит—
воет тихонько и прячет морду.
Но постепенно и он простит—
он ведь отходчивый, хоть и гордый.

День добрый, Хельга! Я тебе писал,
но твой ответ пока ещё в дороге.
Наверное, его читают боги,
прищурив близорукие глаза.
А может быть, как глупая плотва,
вильнул хвостом в порыве своевольном
и, не поняв, что делает мне больно,
он просто потерялся на раз-два?

Я в душном баре вжался в уголок,
невидимый для публики галдящей,
слежу, как свет от лампочки висящей
стекает и ложится возле ног
нарядных дам, пришедших пить вино,
смущённых пар, боящихся случайно
раскрыть свою или чужую тайну,
пьянчужки, говорящего с окном...

Ответа нет. Но знаю: всё равно,
когда почти сожрут тоска и мука,
однажды утром я проснусь от звука,
с которым в ящик падает письмо.

К исходу день. Голодный телефон
нетерпеливо ёжится на стуле—
его кормил последний раз в июле,
подталкивая фразы в микрофон.
Слова, как будто камешки в трубе,
катились, затихая с дробным эхом,
но чей-то голос, хриплый, как похота,
сказал понуро: «Кажется, вы не
туда попали. Я живу здесь год,
и имя Хельга вроде бы знакомо,
но в списке проживающих такого
не числится. Быть может, вас спасёт
моя соседка? Не спешите с „нет“,
она живёт здесь с самого начала—
она здесь провожала и встречала
почти любого. Ей под сотню лет,
но если нужно что-то разузнать,
она всегда подскажет. Дать ей трубку?»
И новый голос, старческий и хрупкий,
сказал: «Она просила передать,
что если ты найдёшься, не спешит
звонить и засыпать её словами.
Не знаю, что случилось между вами,
но письма забирает. Ты пиши—

она, читая, руки жмёт к груди,
она смеётся от твоих рассказов.
Но говорит, пока ещё ни разу
ответить не решилась. Так что жди...»

Мне пора бежать отсюда, Хельга:
здесь молчат с утра и до заката,
здесь никто не мается с похмелья
(пьют здесь неприлично аккуратно);
здесь ни с кем нельзя затеять ссору,
здесь на помощь не зовут соседей,
здесь укрылись по уютным норам
женщины, мужчины, даже дети;
здесь не ходят в гости по субботам,
здесь скрывают счастье и утраты,
здесь никто тебя не спросит: «Кто ты?»,
здесь никто тебя не спросит: «Как ты?»
Задыхаюсь...

Утром электричка,
Жюль заждался, Жюлю—только свистни.
По прогнозу завтра всё отлично.
Жди теперь письма из новой жизни.

Часть III

.....

Ты хочешь постоянства. Ты всегда
теряешься в изменчивом потоке,
когда в окне мелькают города,
когда никто не знает точно сроки
присутствия, а вечный имярек
жмёт руку, улыбаясь: «Просим, просим...»
Когда летели в солнечную осень,
а прилетели в сумерки и снег...

Я думаю об этом перед сном
под стук колёс и храп с соседних кресел.
Ты знаешь, Хельга, мне безумно тесен
застывший мир, где стулья, стол, окно.
Мне этот мир совсем не интересен,
мне нужно что-то большее... Без «но».

.....

Я долго не писал. И вот итог:
тот поезд, Хельга, был одним из многих.
Весну и лето я провёл в дороге—
я ехал, ехал, ехал и не мог
насытиться. Менялись поезда,
машины, самолёты и дензнаки,
и эта жизнь потерянной собаки,
бегущей, в общем смысле, в никуда,
мне нравилась.

Но ветер ободрал
последний лист, и в лужах захрустело,
и в голове занозой вдруг засела
потребность видеть утром не вокзал,

а, если выразаться в двух словах,
знакомый от и до привычный угол.
И знаешь, Хельга, я тогда подумал,
что ты не так уж сильно не права...

У Жюля насморк, у меня мигрень,
вчера пропал рюкзак при пересадке.
Но это частности. Глобально— всё в порядке,
и завтра у меня великий день.

Я завтра заселяюсь в новый дом:
две спальни, кухня и забор с калиткой;
дорожка к морю выложена плиткой,
и хода— три минуты. А кругом
заросшие холмы— как на открытке.
Но я подробнее напишу потом...

Даниэль (тот, с моторной лодкой)
постучался вчера в калитку.
Он принёс четвертинку водки,
по его— это *quarto di litro*¹.

Он сказал: «Предлагаю выпить.
Вы же будете рады гостю?»
Знаешь, Хельга, подобной прыти
не встречал с приключений в Хосте—
помнишь парня на остановке,
что просил подарить кроссовки?

День был ветренный и тоскливый,
Жюль брехал и скулил от скуки.
Я спросил: может, лучше пива?
Но сосед подышал на руки:
мол, для пива сейчас *fa freddo*²,
лучше водки. Уважь соседа?

Он ходил возле книжных полок,
удивлялся: зачем мне столько?
Он сказал, что он сам— психолог,
а жена его— венгро-полька.
Но она не приедет больше
ни из Венгрии, ни из Польши.

Он ушёл в середине ночи,
проверяя ключи в кармане.
А с утра его сбил молочник—
не заметил в густом тумане...

Я проснулся от вопля скорой.
Он лежал на краю дороги.
Из-под брошенной кем-то шторы
было видно одни лишь ноги.
И казалось, что он опутан
перехлестнутым парашютом.

На газоне со всяким сором
из размокшей уже бумаги
самолётик— измят и порван,
словно сбитый в небесной драке.
Самолёт и погибший лётчик.
И толпа всех других и прочих...

Послушай, Хельга,— трудное письмо,
я долго думал, всё не мог решиться.
Но мне необходимо поделиться.
Не знаю, как начать. Но всё равно...

Вчера был дождь, с утра висел туман,
к обеду тучи ветром разогнало,
и вышло солнце, но потом пропало.
По телеку твердили про обман
участников одной из лотерей.
У дикторши с волнующим контролем
была татуировка «Viva Malta»
и гладкое каре, как у Мирей
Матье. Потом пришёл сосед
с вопросом: «Почему у вас в России
не любят Бродского?» Я, право, был бессилён
что-либо объяснить, ведь мой ответ
был явно лишним. У него беда—
его жене врачи вчера сказали,
что рак неоперабелен. Едва ли
он что-то слышал, кроме «месяц-два»...

Мы с ним расположились на крыльце.
Его жена, уйдя от разговора,
играла с Жюлем около забора,
и у неё читалась на лице
готовность ко всему.

Закатный свет,
пробившийся сквозь тучи, вспыхнул резко,
и женщина с собакой, как на фреске,
лучились, утверждая: «Смерти нет!»

Но тучи сдвинулись, внезапный свет погас,
как будто в небе выключилась раampa.
И вместо фрески— серый штрих эстампа,
и чёрные колодцы вместо глаз.
В костёле исступлённо грянул Бах.
Сосед на полуслове поперхнулся
и бросился к жене. И не вернулся.
Вернулся Жюль— он чем-то сладким пах—
и грустной мордой мне в колени ткнулся.

В его глазах барахтался вопрос:
«Зачем она ушла? Ведь так прекрасно
кататься по траве...» Но было ясно,
что он всё понял. Он ведь умный пёс.

1. *Quarto di litro (итал.)*— четверть литра.
2. *Fa freddo (итал.)*— холодно.

Недавно здесь был мальчик. В тишине предзимних улиц, вылизанных ветром, отчаянно и не по-детски щедро читал стихи. И мне казалось — не на память, а слагая на ходу и половины слов не понимая. Когда он замолкал, воронья стая, очнувшись, принималась за еду и начинала хрипло обсуждать услышанные только что сонеты; а мальчик улыбался — видно, это его смешило.

Я решил узнать, кто он такой... Поспрашивал. Никто его не разглядел в неверном свете гудящих фонарей. У всех соседей портреты разошлись: «Он был в пальто», «Да нет, в какой-то куртке», — и тэ дэ. А что читал? Плечами жмут в смущенье, но как один сказали: «Ощущенье, что он не к нам приходит, а к тебе».

Ты знаешь, Хельга, от его стихов мне было сразу и светло, и страшно: в них пахло лесом, и весенней пашней, и яблоком, не сорванным с верхов, и пылью одиночества, и льдом, летящим с края крыши в чьё-то темя... В его стихах остановилось время, они светились окнами, как дом, в котором ждут незапертая дверь и стул на кухне возле батареи... Я раз и навсегда ему поверил. Вот только где он? Где же он теперь — мой бедный мальчик в ношеном пальто, бредущий мимо заспанных деревьев, зовущий: «Ну пойдём, пойдём скорее. Тебе здесь делать нечего — никто тебя не потеряет...»?

Он исчез.

Его теперь не вижу у забора. Но он ещё вернётся, очень скоро. И я уйду — с тобою или без...

.....

3. Ария Христа — из рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда».
4. Break (англ.) — здесь: прекрати, остановись.

Недели три назад, когда октябрь, едва начавшись, выглядел сердито, по надобности местного культлита я ездил в префектуру. Всё как встарь: бумаги в папке, очередь, приём, душевное: «Конечно, очень рады помочь и поддержать. Но что вам надо? Нет, денег частным лицам не даём».

Мне долго объясняли, как решить возникшую проблему. Я не слушал — всегда одно и то же, слишком скучно. Собрал бумажки, я решил сходить на Красный мост, что прячется внутри дореволюционного квартала, где всё из кирпича, потом — к вокзалу, чтоб дома быть примерно в двадцать три...

На площади у самого моста кипела жизнь: портье встречал туристов, автобусы толкались, гитаристы сопровождали арии Христа³ в оранжевой подсветке фонарей. У одного, помладше, мёрзли руки, он мазал, дребезжал, и столько муки читалось на лице певицы. Ей хотелось заорать мальчишке: «Break!»⁴ И будто кто-то вдруг её подслушал: пропало эхо, звуки стали глуше, и на клочок мощёной камнем суши обрушился сырой лохматый снег!

Прохожие застыли. Как одна машины притулились у обочин. А снег валит — безжалостен и точен, и вместе с ним упала тишина.

Тяжёлый белый пластырь облепил деревья и развешенные знаки. И запах размокающей бумаги каньоны мутных улиц затопил.

.....
Я шёл к вокзалу и, устав месить раскисший снег, в каком-то переулке — пустом, и белом, и недавно гулком — остановился, чтобы покурить.

В окошко на меня смотрел мужик. Щетину потирая, ухмылялся и, кажется, совсем не удивлялся, что я стою и снег за воротник мне падает. Он приоткрыл окно, спросил:

— Скажи мне, ты же веришь в Бога?
И я ответил:
— Может быть, немного...
— Ты что, не знаешь?
— То-то и оно...

Я выдержал его протяжный взгляд,
в котором недоверие, и жалость,
и ожиданье шутки— всё смешалось.
И если бы не этот снегопад,
он мне бы не поверил.

По пути
домой, считая блики в завагонной
забитой снегом ночи, монотонно,
безостановочно под стук колёс твердил:
— Ты что, не знаешь?

— То-то и оно...

И знаешь, Хельга,—это не смешно.

Жюль с самого утра вилял хвостом
и около калитки ошивался.
Мне кажется, он даже улыбался,
как будто что-то знал. Врывался в дом—
скользя по полу, мебель задевал,
заглядывал в глаза с немым вопросом,
подскуливал и, мокрым чёрным носом
в ладонь пихаясь, за собою звал.

Когда на башне звякнули часы
и шедшие с вокзала пассажиры
рассеялись по дачам и квартирам,
он лёг под лавку, говоря: «Я сыт
по горло и ненужной суетой,
и бегом, и бесплодным ожиданьем...»
Я думал, он заплачет. Мы ведь знаем,
что он умеет, Жюль—ведь он такой...

.....
День завершался. Солнце уползло
поближе к морю. Я, усевшись в кресло,
в бездумной неге озирал окрестность.
Блаженное вечернее тепло,
и рыжий свет, и запахи с холмов
меня сморили. Я о чём-то думал,
не видя ничего, когда по скулам
касанье лёгких пальцев потекло.

Я знал, что это ты,—никто другой
не смог бы мимо Жюля просочиться.
Но ты всегда умела ярко снится,
настолько, что нельзя понять порой,
в какой вселенной я сейчас дышу,
какое солнце дарит столько света,
куда я попаду, когда всё это
закончится... А если я решу

остаться, не нарушится ли мой
безумный диалог двоих влюблённых?..
Открыв глаза, увидел два бездонных
зрачка. Неверящей рукой
поправил влажный стог твоих волос.
Твои духи, разбавленные морем,
едва читались.

Где-то тараторил
мальчишка-чтец—его слова принёс
горячий ветер. Мальчик то спешил,
то отставал, ритмическая схема
его рассказа, будто теорема,
нуждалась в доказательстве; смешил
писклявый голос.

Платье по тебе
стекало, разбиваясь о колени.
А на лице читалось изумленье:
«Ну как же так? Ведь ты давал обет
вернуть меня, а сам чего-то ждёшь;
опешил, будто видишь привиденье.
Дотронься, я—живая!» На мгновение
мне показалось: ты сейчас уйдёшь...

В погасшем небе длинный хвост Ковша
свернулся в непреклонный знак вопроса...
И я всё понял. Это же так просто—
не нужно самому себе мешать.

За шорохом поймавших ветер крон,
за криком опоздавшей электрички,
за дрожью пальцев, чиркающих спичкой,
за чёрным небом, погружённым в сон,—
за этим всем, безмерно далеко—
в начале всех времён и измерений,—
качнулась тишина. Запнулось время
и новое начало обрело.

Едва заметно дрогнула Земля,
на пол-ангстрема сдвинулись светила,
вымарывая то, что разделило
тебя со мной. Возможно, только я
почувствовал движение вовне,
но я как будто снова научился
дышать и видеть. Будто развалился
упругий поводок. Я больше не:
боялся, сомневался, ждал, тайлся...

Ты дальше знаешь. Смысла нет писать.
Вот только утром, как я ни старался,
Жюль не пришёл. Я знаю: он остался
в том старом мире, чтобы вечно ждать.